

*Н. А. Гуськов***ЛИРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В ПОЭЗИИ А. П. СУМАРОКОВА**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается лирический герой поэзии А. П. Сумарокова. Хотя для этого писателя характерно жанровое мышление, он создал группу текстов, которые не могут быть отнесены к конкретным жанрам. Их объединяет общий лирический субъект, имеющий автобиографические черты. Этот лирический субъект появляется в текстах разных жанров, он оказывается в центре поэтической системы Сумарокова. В творчестве Сумарокова имеются, таким образом, черты, предвосхищающие творчество романтиков, прежде всего — лирический герой. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: русская литература, русская поэзия, русская литература XVIII века, Сумароков, лирический герой, лирический субъект.

LYRICAL SUBJECT IN THE POETRY OF A. P. SUMAROKOV*N. A. Guskov*

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the lyrical hero in A. P. Sumarokov's poetry. Although this writer has a genre thinking, which was typical for 18th century, he created a group of texts that can't be attributed to specific genres. They are united by a common lyrical subject that has autobiographical traits. The same lyrical subject appears in the texts of different genres, he is at the center of the Sumarokov's poetic system. So in the works of Sumarokov there are signs that anticipated the work of the Romantics — the lyrical hero, first of all. Refs 16.

Keywords: Russian literature, Russian poetry, Russian literature of 18th century, Sumarokov, lyrical subject.

Один из дифференциальных признаков традиционной оппозиции «классицизм — романтизм» — различная авторская позиция, концепция личности автора и персонажа. Признано, что в классическом тексте «абстрактное “я”, от лица которого ведется речь <...>, не совпадало и не стремилось совпасть с воображаемой или реальной личностью писателя как единичного человека» [Гуковский, 1936, с. 25]. Канон препятствует воплощению индивидуальности, не поощряет психологизма. Как персонаж классической драмы сводится к амплу, так и в лирике нет еще лирического героя, соотносимого с реальным автором и проходящего через все его творчество, и даже индивидуальных поэтических систем. Романтик — тоже выразитель высших истин, но пропускает их через себя — подобно медиуму, он вносит в свое творение много личного, предстает в своей неповторимости, стремится к психологизированному самоанализу и персонажей эпических или драматических превращает в своих двойников. Не пересказывая общеизвестных идей, отметим: считается, что облик и позиция классического автора зависят от жанра¹, в романтическом же тексте индивидуальность лирического героя разрушает жанровые границы.

¹ Утверждая в полемике с Гуковским, что писатели XVIII в. выражали не отвлеченную, а собственную позицию, даже И. З. Серман, трактуя классицизм широко, допускал проявление личности автора лишь в пределах конкретного жанра [Серман, 1973, с. 21–22].

Самым характерным представителем классицизма в России традиционно объявляется А. П. Сумароков, но обращение к его текстам демонстрирует нечто далекое от привычной схемы. Поэзия Сумарокова, с одной стороны, жестко разделена на жанры (свидетельство чему — авторские определения произведений, сборников и их разделов), с другой — строится вокруг образа лирического героя, пожалуй первого в русской литературе. Обычно подчеркивают лишь жесткую дифференциацию жанров, ведь именно Сумароков в эпистоле «О стихотворстве» четко сформулировал правила для всех видов поэзии. Вместе с тем оговорки исследователей в совокупности показывают, что нарушение правил происходит едва ли не чаще их соблюдения. «Множество лирических стихотворений написано Сумароковым как бы вне жанровой классификации классицизма» [Гуковский, 1998, с. 151], — утверждал Г. А. Гуковский. «В лирике Сумарокова, — вторит К. А. Назаретская, — жанры в ряде случаев теряют четкие границы. Единство потока переживаний нарушает жесткие рамки жанровой классификации и создает эмоциональную лирику без определенного жанрового принципа» [Назаретская, с. 22].

Несмотря на оговорки, наличие в поэзии Сумарокова лирического героя как объединяющего начала отрицают, даже если признается проявление авторского темперамента и индивидуальной позиции в отдельном тексте или жанре [Серман, 1957, с. 25]. Показательны суждения Б. О. Кормана: «"Я" у Сумарокова говорит о себе, анализирует свои обстоятельства и свою судьбу, свое чувство и состояние. Здесь есть подобие с лирическим героем, каким мы его знаем в романтической и послеромантической лирике. Но это — именно подобие. <...> В доромантической лирике проявления личности "я" не были системны. <...> Жанровое мышление оставалось непреодолимым. Для того чтобы возник лирический герой, жанровое мышление нужно было обойти или преодолеть» [Корман, с. 23]. С этой точкой зрения нельзя согласиться. Во-первых, она основывается на незыблемости жанрового мышления Сумарокова, которое, как было указано выше, допускало взаимопроникновение жанровых форм, даже по мнению признававших поэта основоположником классицизма. Во-вторых, термин «лирический герой» в трактовке Кормана и его единомышленников приобретает историческую закреплённость. Так толкуются многие понятия теми специалистами по литературе XIX в., которые взирают на искусство предшествующих эпох как на примитивное, незрелое. Лирический герой как особый тип повествователя не принадлежит одной лишь эпохе (подобно жанровым или стилистическим понятиям) и подвержен историческим модификациям. Он преобразуется так же, как меняется образ литературного героя в целом, как изменяется общая концепция личности. В XVIII в. это не подобие, а прямой и достойный предшественник романтического лирического героя, хотя он еще не выглядит столь цельным, психологически сложным и нераздельно связавшим воедино повседневную жизнь, репутацию и творчество своего создателя, как у Лермонтова и даже у Жуковского. Это и невозможно было бы осуществить без многочисленных проб. Главное, что, вопреки утверждениям литературоведов, лирический герой Сумарокова² действует вне пределов одного жанра и служит центром формирования авторской поэтической системы. Это подтверждает подлинность

² Термин «лирический герой» понимается в узком значении, введенном формальной школой [Гинзбург, с. 120–161; Тынянов, с. 118–124]. Эта трактовка не предполагает исторической фиксации понятия.

его статуса. Высказанные суждения легче подкрепить текстуальным анализом, чем привычные литературоведческие схемы.

Уже современники почувствовали в творчестве Сумарокова сильный индивидуалистический пафос. Самый успех его поэзии основан был на том, что первым из наших стихотворцев он даже условные лирические ситуации умел подать так, что они казались откровенным авторским признанием. Иногда это даже подчеркивалось противопоставлением отвлеченному и построенному на традиционных штампах творчеству иных писателей: «Другим печальный стих рождает стихотворство, / Когда преходит мысль, восторгнута в претворство, / А я действительной терзаюсь тоской: / Отъята от меня свобода и покой» [Сумароков, 1957, с. 163]³. Выражаясь современным нам слогом, повествователь утверждает, что в отличие от других писателей воплощает не вымышленные (продиктованные стихотворством — творческим замыслом и правилами искусства), а истинные, как мы бы сказали — автобиографические, обстоятельства, поэтому руководствуется он не мыслью, а чувством, занимается не рациональной организацией текста, а стремится выплеснуть эмоции. В данном случае важна не достоверность, а установка авторского высказывания (как и в случае со всяким лирическим героем, в том числе романтической и послеромантической эпохи).

«Сумароков, сколько известно по преданиям, сколько мы знаем из его произведений, из отношений к современникам, — указывал Н. Н. Булич, — был человек до крайности самолюбивый и любил поговорить о себе. Поэтому в сочинениях его встречаются намеки на случаи из его жизни <...>» [Булич, с. 8–9]. А. Фельдберг показал, что совокупность появляющихся в письмах, статьях и стихах Сумарокова отсылок к обстоятельствам его жизни, упоминаний о его переживаниях, порывах и кризисах «составляет своеобразную “поэтическую автобиографию”» [Фельдберг, с. 35]. «Северный Расин» сам творит о себе поэтический миф, который перекликается с реальными жизненными фактами и предвосхищает литературные предания о Сумарокове. Подобное часто наблюдается в сентиментальной и романтической лирике.

Мифологический контекст придает стихам условность и аллегоризм, но ничуть не лишает их оригинальности и индивидуального лирического тона. В XVIII в. господствовала культура «готового слова», и частное неизменно передавалось через общее. Даже индивидуалистические тенденции, подрывающие «готовое слово», первоначально могли быть оформлены лишь посредством «топосов», «общих мест», которые приобретали новые, не свойственные им конкретные смыслы, попадая в провоцирующий это контекст.

Итак, в центре сумароковского стихотворения часто, а в восприятии его современников даже слишком часто, выделяется лирический субъект повествования. Он наполняет стенаниями переложения псалмов и элегии, исповедуется в потаенных чувствах в песнях, поучает и обличает в сатирах и посланиях, смотрит из-за спины персонажей, многословно комментируя их поведение в притчах... Несмотря на различие тем и настроений, этот лирический субъект узнаваем, обладает особой судьбой, несложным, но конкретным характером, системой ценностей, не зависящей от жанровой природы текста, специфической манерой речи. Он функциони-

---

³ Далее ссылки на это издание даны в тексте.

рует в художественной реальности, органично связанной с его внутренним миром, участвует в лирических ситуациях определенного типа.

Особенно полно и ярко обрисован авторский образ в элегиях «Страдай, скорбный дух!..» и «Все меры превзошла теперь моя досада», сатире «Пиит и друг его», «Расставании с музами», двух «Жалобах», «Письме ко князю Александру Михайловичу Голицыну» и еще нескольких стихотворениях. Такая же манера появляется у Сумарокова не только в этой сравнительно небольшой группе произведений, в которой очевиден автобиографизм лирического субъекта, но и во многих других текстах различных жанров даже при отсутствии прямой характеристики образа повествователя. Сходство интонации, фразеологии, топики размывает жанровые границы и придает творчеству писателя цельность. Пожалуй, лишь в торжественной оде с ее уже сложившимся возвышенным и строгим каноном авторское «я» затруднялось выйти на первый план и не находило возможности если не заслонить объект восторга, то оказаться с ним наравне, как это произошло в ряде од Г. Р. Державина.

Лирический герой Сумарокова имеет черты и автобиографические, и почерпнутые из поэтической традиции: он напоминает библейских пророков-псалмопевцев, отчасти предвосхищает романтического героя, но изъясняется преимущественно исповедальным слогом пылкой деловой переписки Сумарокова, что видно из дальнейших примеров.

Этот герой — одаренная личность, он с юности презрел материальные ценности, мирскую суету, устремился к поиску душевной гармонии и осознал свое поэтическое призвание: «Я счастья пышного сыскать себе не льстил / И от рождения о нем не суетился; / Спокойствием души одним себе ласкал: / Не злата, не сребра, но муз одних искал. / Без провождения я к музам пробивался / И сквозь дремучий лес к Парнасу прорывался. / Преодолея труд, увидел Геликон; / Как рай, моим очам вообразился он» (158). Такого восторженного и фанатического служителя муз ценят просвещенные чужестранцы, но презирают и преследуют соотечественники. Он бедствует и страдает, тщетно взывая к сильным мира сего: «Собираются ругать меня враги и други. / Сие ли за мои, Россия, мне услуги? / От стран чужих во мзду имею не сие. / Слезами я кроплю, Вольтер, письмо твое. / Лишенный муз, лишусь, лишусь я и света. / Екатерина, зри! Проснись, Елисавета! / И сердце днесь мое внемлите вместо слов! / Вы мне прибежище, надежда и покров» (160). Аналогии с литературным прототипом-предшественником героя Сумарокова хорошо видны в переложениях псалмов: «И соседи меня, ах, и все презирают: / К поношенью себя я на свете живу, / Мной гнушаются люди, несчастья играют, / И едва уж на свете живым я слышу»; «Колико, Боже мой, я беден здесь и сир! / С немиротлюбцами живу миролюбиво, / И с ними как они подобно не кричу: / Молчу; / Но лишь раскрою рот, встают на мя бурливо» [Сумароков, 1787, с. 138, 179]. Перекличка приведенных строк с эпистолярными жалобами «северного Расина» также очевидна⁴.

⁴ Ср. напр.: «Мне паче всего жаль того, <...> что <...> все мои труды в ничто преобратило и лишает меня сего веселия, что я надеялся <...> заслужить себе <...> и от двора, и от города, а потом от всей России и от всей Европы похвалу. А вместо того, презрев многие домашние непреодолимые хлопоты, должен я <...> новую себе приключить досаду, и ради того только трудиться, чтобы быть жертвоприношением <...> высокомерию, которому я никогда не покорюсь» (Екатерине II от 15 августа 1768) [Письма русских писателей XVIII века, с. 111].

Пожалуй, именно Сумароков ввел в русскую поэзию конфликт избранника муз и толпы, почти обязательный для романтизма. Он обрел у стихотворца XVIII в. во все не отвлеченные, а конкретные, даже бытовые формы, отчего описание невзгод кажется достоверным, а положение затравленного писателя — отчаянным: «Лжец вымыслом тебя в народе обесславит, / Судья соперника несправедно оправит, / Озлюбясь, межевщик полполя отрядит, / А лавочник не даст товару на кредит, / Со съезжей поберут людей за мостовую, / Кащей⁵ тебе с родней испортит мировую» (сатира «Пиит и друг его», 179).

Лишь в созерцании природы да в любви лирический герой Сумарокова мог бы обрести утеху, но находит ее там редко. Влюбившись, он обычно становится жертвой душевных мук, игралищем враждебного случая. Созерцание же красот природы не может затмить проблем, открывающихся повсюду взору повествователя. Происходит это по разным причинам. Так, в «Письме ко князю... Голицыну» прекрасный мир вдруг кажется лирическому герою отвратительным под влиянием негодования, вызванного повсеместным засильем лжи, насилия и иных пороков: «Везде места зрю рая. / И рощи, и луга, и нивы здесь, играя, / Стремятся веселить прельщенный ими взгляд, / Но превращаются они всяк час во ад. / Блаженство на крылах зефиров отлетает, / На нивах, на лугах неправда обитает, <...> / Репейник там растет, где было место крина. / О боже, если бы была Екатерина / Всевидица! Так ты где б делся, толк судей, / Гонящих без вины законами людей?» (300–301). В элегии «Другим печальный стих...» тот же эффект производит любовная тоска: «Лишенный всех забав, ничем не услаждаюсь, / Стараюсь волен быть и больше побеждаюсь, <...> / Брожу по берегам и прехожу леса, / Нечувственна земля, не видны небеса. / Повсюду предо мной моей любезной очи, / Одна она в уме» (163).

То, что лирический герой Сумарокова лишен любезной ему душевной гармонии, сомневается в разумности миропорядка и, как ни горька его жизнь, страшится смерти, составляет главные особенности его натуры. Это раздвоенная личность, которой присущи постоянная внутренняя борьба, неудовлетворенность собой и окружающими, аффектированное проявление чувств. Он вечно и безответно жалуется на свой удел, мечтает изменить судьбу, но не способен на это, так как призван свыше на свое поприще. Свое дарование оценивает он безмерно высоко, но без идеализации, откровенно сознается в своем подавленном, неустойчивом душевном состоянии, как в одном из стансов: «Сам себя я ненавижу, / Не страшуся ничего; / Окончания не вижу / Я страданья моего. / Сердце стонет, / Взор мой тонет / Во слезах и день и ночь. / Дух томится, / Солнце тмится, / В полдень убегая прочь» (175). Авторефлексия, двойственная самооценка сближают рассматриваемый образ с романтическим героем. Поэт не только указывает на свои несовершенства, сохраняя самодовольство, но и переживает страсть к творчеству, понимая беспомощность доступных ему литературных средств. Впервые в русской поэзии он вводит тему «невыразимого»: «Трудится тот вотще, / Кто разумом своим лишь разум заражает; / Не стихотворец тот еще, / Кто только мысль изображает, / Холодную имея кровь; / Но стихотворец тот, кто сердце заражает / И чувство изображает, / Горячую имея кровь. / Царица муз, любовь! / Парнаским жителем назваться я не смею. / Я сладости твои почувствовать умею; / Но, что я чувствую, когда скажу, — солгу, / А точно вымолвить об этом не могу» (297).

⁵ Так поэт звал своего зятя А. И. Бутурлина и скупого ростовщика в комедии «Лихоимец».

Лирическому герою Сумарокова, как и его реальному прототипу, свойственны вспыльчивость, раздражительность, эксцентричность поведения на публике — черты, послужившие основой многочисленных анекдотов о поэте⁶. Быть может, импульс для каких-то из них дало стихотворение «Диковинка»: «Какой диковинки я век не ожидал, / Такую случай мне увидеть ныне дал: / Я шел задумавшись; разбились мысли стуком; / Но что увидел я! Подьячий едет цуком. / Я руки к небу взвел и закричал тогда: / "О Солнце, ты весь мир издревле обтекаешь, / И взор на землю всю вседневно ниспускаешь! / Такое зрелище видало ль ты когда?" / С досады я потом едва сыскал дорогу, / Ворча, управил бы я вас, да то беда, / Бодливому быку судьба не ставит рогу» [Сумароков, 1935, с. 286]. Этот эскиз с натуры довольно эффектен: директор театра, погруженный в творческие мечты, внезапно останавливается посреди улицы, запальчиво декламирует проклятия вослед богатому чиновничьему экипажу, а потом, не разбирая дороги от бессильной ярости, плетется дальше. Такие зарисовки представляли немалый соблазн для завсегдатаев «школ злословия».

Лирический герой Сумарокова — максималист, способный лишь к крайним проявлениям эмоций. «Персонаж, — указывал К. Д. Максимович, анализируя идиллии, — живет в полярном мире, где возможны только бинарные оппозиции: добро и зло, счастье и горе, поэтому любое чувство для него абсолютно и, объясняясь с "драгой", он обещает любовь вечную» [Максимович, с. 121]. Страдая от разлуки с возлюбленной, или от гонений завистниками, или от осознания неизбежной гибели всего на свете, — можем мы продолжить, — он переживает свои терзания как всемирную катастрофу, а порицая идейных противников, он готов сражаться с ними беспощадно, пойти на жертвы во имя идеала. Примеры нетрудно найти: ведь отмеченное качество лирического героя встречается и в идиллии, и в иных жанрах. Его характер, несмотря на мелодраматизм, вовсе не примитивен благодаря своей раздвоенности, и нередко его раздражают прямо противоположные настроения. На этом и строится лирическая ситуация, этим определяются эмоциональная динамика и драматизм текста, лирический конфликт.

Последняя важная особенность лирического героя Сумарокова — это его одиночество (психологическое и композиционное). Он всегда предстает в одиночестве, хотя окружен другими лицами, играющими заметную роль в его судьбе и, в зависимости от этой роли, получающими исключительно положительную или резко отрицательную оценку. Одобрения удостоились ценители, покровители или последователи дарования стихотворца: музы, царствующие особы и истинно просвещенные люди, чаще — иностранцы. Из русских это поэты, объявившие его своим учителем (В. И. Майков, Е. В. Хераскова), сподвижники в просвещении публики, особенно те, кто содействовал успеху трагедий на театре: актеры (И. А. Дмитриевский, Ф. Г. Волков, Т. М. Троепольская), участницы любительских постановок (Е. И. Нелидова и Н. Борщова), почтенные особы, чьи судьбы по различным при-

⁶ Ср. записи Порошина 1765 г.: «Александр Петрович смирен был. Поговорил только несколько о безграмотстве и о плутнях подьячих» (12 февраля); «Его высочеству хотелось рассердить Александра Петровича — для того изволил он упоминать о сочинениях Лукина, однако Александр Петрович от сердца удержался» (19 сентября) (Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу российского. СПб., 1844. С. 371, 416).

чинам пересекаются с авторской или уподобляются ей (С.П.Крашенинников, граф П.А.Румянцев-Задунайский, князь А.М.Голицын и т.д.), меценаты (графы А.Г.Разумовский и Г.А.Потемкин). Наконец, возникают и безымянные лица, друзья, напоминающие один из внутренних голосов автора (таков собеседник повествователя в сатире «Пиит и друг его»). Иные персонажи сурово осуждаются или высмеиваются, чаще всего они выступают группами безымянных лиц, каждая из которых персонифицируется классическим сатирическим амплуа. Здесь и во-ры-подьячие, и безмозглые петиметры, и дикие невежды-ханжи, и псевдоученые педанты, и «несмысленные рифмотворцы»-графоманы — гонители, завистники, соперники лирического героя и его создателя. Сюда же причисляются возмутители естественной гармонии во главе с самим Пугачевым, едва ли не единственным врагом, который удостоился персонального упоминания. Часто противники лирического субъекта объединяются в агрессивную звероподобную толпу, для описания ее поэт в разных жанрах использует сходные художественные средства. «Живу во шалаше, в Кидарской я стране, — жалуется повествователь в переложении 119-го псалма, — И преселение мое мне долго ныне, / Едва не со зверьми живущему в пустыне: / И вся их жизни дань, / Бесперестанна брань: / А разговоры, / Крик, шум и ссоры. / Противен им покой; согласие и мир» [Сумароков, 1787, с. 178]. В притче «Сатир и гнусные люди» пастухи, противостоящие их обличителю, наделенному автобиографическими чертами, изображены так: «По всякий день у них была тревога всяка: / Вздор, пьянство, шум и драка. / И, словом, так: / Из паства сделали они себе кабак — / Во глотку, / И в брюхо, и в бока / На место молока / Цедили водку, / И не жалел никто ни зуб, ни кулака, / Кабашный нектар сей имеючи лекарством, / А бешеную жизнь имев небесным царством» (220). Это обилие персонажей, однако, исключительно количественное. Роль их служебна, не зависит от оценки каждого из образов и от отношения Сумарокова к их прототипам. Они не описываются сами по себе, почти ничего нельзя сказать об их внешнем и внутреннем облике, но они необходимы как повод для выражения эмоций или суждений лирического героя, как его подобие или контраст его натуре. И как человек эпохи, еще равнодушной к разнообразию психологических проблем и чуждой диалектического мышления, и в силу своего душевного склада Сумароков уже ощутил потребность самовыражения, даже творческого самоутверждения как индивидуальности, но еще не склонен встать на чужую точку зрения и интересоваться психологическими проблемами ближнего, особенно если они отличаются от его собственных. Это видно и по трактовке образа лирической героини, в целом служебного и необходимого для душевных излияний субъекта повествования. Эгоцентрический пафос Сумарокова отмечался исследователями: «Почти во всех стихотворениях “ты” существует лишь для “я”» [Корман, с. 20]. Иначе говоря, авторское «я» постоянно оказывается в центре, остальное же вводится как оппозиция или аналогия субъекту. Указывая на этот факт, ученые не придавали ему значения, — видимо, потому, что мы давно привыкли к выдвиганию в центр лирического стихотворения авторского «я» и не обращаем на это внимания. Между тем в XVIII в. такое положение вещей не было очевидным, напротив, было знаменательным для публики.

Фрагменты текстов Сумарокова, приведенные в этой статье, позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, лирический субъект Сумарокова — не абстрактное воплощение идеи, а личность, обладающая определенным темперамен-

том, набором конкретных черт характера, системой ценностей и четкой жизненной позицией, часто — и линией жизни, пусть еще слабо начерченной. Во-вторых, этот образ не замыкается в пределах конкретного жанра, более того, приведенные примеры чаще всего не просто идентифицировать в жанровом отношении, не зная, из какого текста они взяты. В-третьих, созданный Сумароковым образ часто наделен автобиографическими чертами или по манере речи, поведения, выражаемым настроениям явно соотносится с тем представлением о «северном Расине», которое бытовало в обществе и подтверждается мемуарами о нем и его перепиской. Поэтому лирический субъект Сумарокова в том виде, в каком он был охарактеризован в этой статье, немыслим в контексте творчества иного писателя XVIII в.

Итак, позволительно говорить о наличии в поэзии Сумарокова лирического героя как системообразующего фактора, разумеется с учетом особенностей эпохи, когда создавался этот образ, тех возможностей языковой, психологической, социальной характеристики, которой обладал поэт середины XVIII в. Само наличие лирического героя и индивидуальной художественной системы в творчестве писателя еще не делает его представителем романтизма или более позднего направления искусства, но указанные черты явно не укладываются в традиционную схематическую характеристику Сумарокова-классициста, показывают, что в творчестве поэта были предромантические тенденции, часто непонятные и неприемлемые для современников. Возможно, появление у Сумарокова яркого индивидуального образа лирического героя, какого мы не найдем у его последователей, объясняется не общими закономерностями литературного процесса, а особенностями страстной натуры данного поэта, но, чтобы объявлять его типичным представителем классицизма (в традиционном понимании этого слова), необходимы новые аргументы, подкрепленные примерами из сочинений Сумарокова, не менее обильными и не менее случайными, чем приведенные в этой статье.

Литература

- Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854. с. С. 8–9.
- Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 120–161.
- Глинка С. Н. Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова: в 3 т. СПб.: Тип. С. С. Глинка и К°, 1841. Т. 3. 288 с.
- Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в.: Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг. М.; Л.: АН СССР, 1936. 240 с.
- Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М.: Аспект-Пресс, 1998. 453 с.
- Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения: Лирическая система. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1978. 89 с.
- Максимович К. Д. Поэтика идиллий А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 10. / под ред. Е. И. Анненковой, О. М. Буранок. СПб.; Самара: РГПУ; СамГПУ, 2003. С. 111–129.
- Назаретская К. А. Об истоках русского сентиментализма // Вопросы эстетики и теории литературы / под ред. Н. А. Гуляев. Казань: Казан. гос. ун-т, 1963. С. 23–34.
- Письма русских писателей XVIII века / под ред. Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. 474 с.
- Серман И. З. И. Ф. Богданович // Стихотворения и поэмы / И. Ф. Богданович. Л.: Советский писатель, 1957. С. 25–42.
- Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л.: Наука, 1973. С. 21–22.
- Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: в 10 ч. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. Ч. 1. 369 с.
- Сумароков А. П. Стихотворения / под ред. А. С. Орлова. Л.: Советский писатель, 1935. 486 с.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с.
Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
Фельдберг А. Несколько мотивов «поэтической автобиографии» А. П. Сумарокова // Русская филология. Т. 7. / под ред. Е. Погосяна, О. Паликовой. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 1996. С. 35–45.

Для цитирования: Гуськов Н. А. Лирический субъект в поэзии А. П. Сумарокова // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 46–54. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.306.

References

- Bulich N. N. *Sumarokov i sovremennaia emu kritika* [*Sumarokov and the-then Critiques*]. St. Petersburg, Je. Prac Publ., 1854. 290 p. (In Russian)
- Feldberg A. Neskol'ko motivov "poeticheskoi avtobiografii" A. P. Sumarokova [Some Motives of "Poetic Autobiography" of A. P. Sumarokov]. *Russkaia filologiiia* [Russian Philology]. Eds. E. Pogosjan, O. Palikova. Vol. 7. Tartu, Tartu Ülikooli kirjastus Publ., 1996, pp. 35–45. (In Russian)
- Ginzburg L. J. *O lirike* [On Lyrics]. Moscow, Intrada Publ., 1997. 416 p. (In Russian)
- Glinka S. N. *Ocherki zhizni i izbrannye sochineniia A. P. Sumarokova: v 3 t.* [Essays on Life and Selected Works by A. P. Sumarokov: In 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg, S. S. Glinka i K° Publ., 1841. 288 p. (In Russian)
- Gukovskij G. A. *Ocherki po istorii russkoi literatury XVIII v.: Dvorianskaia fronda v literature 1750–1760-h gg.* [Essays on History of Russian Literature of 18th Century]. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1936. 240 p. (In Russian)
- Gukovskij G. A. *Russkaia literatura XVIII v.* [Russian Literature of 18th Century]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1998. 453 p. (In Russian)
- Korman B. O. *Praktikum po izucheniiu hudozhestvennogo proizvedeniia: Liricheskaiia sistema* [Study Guide on Literal Text: Lyrical System]. Izhevsk, Udmurt State Univ. Publ., 1978. 89 p. (In Russian)
- Maksimovich K. D. Poetika idillii A. P. Sumarokova [Poetics of Idylls of A. P. Sumarokov]. *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka* [Issues of Studies of Russian Literature of 18th Century]. Eds. E. I. Annenkova, O. M. Buranok. Vol. 10. St. Petersburg; Samara, Herzen State Pedagogical Univ. Press; Samara State Pedagogical Univ. Publ., 2003, pp. 111–129. (In Russian)
- Nazaretskaja K. A. Ob istokah russkogo sentimentalizma [On the Origin of Russian Sentimentalism]. *Voprosy estetiki i teorii literatury* [Issues of Aesthetics and Theory of Literature]. Ed. by N. A. Guljaev. Kazan, Kazan State Univ. Publ., 1963, pp. 3–34. (In Russian)
- Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka [Letters of the Russian Writers of 18th Century]. Ed. by G. P. Makogonenko. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 474 p. (In Russian)
- Serman I. Z. I. F. Bogdanovich [I. F. Bogdanovich]. Bogdanovich I. F. *Stihotvoreniia i poemy* [Poetry and Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957, pp. 5–42. (In Russian)
- Serman I. Z. *Russkii klassitsizm: Poeziia. Drama. Satira* [Russian Classicism: Poetry. Drama. Satire]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 284 p. (In Russian)
- Sumarokov A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stihah i proze: v 10 t.* [Complete Collection of All Works in Prose and Poetry: In 10 vols.]. Vol. 1. Moscow, N. Novikov Univ. Publ., 1787. 369 p. (In Russian)
- Sumarokov A. P. *Stihotvoreniia* [Poetry]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1935. 486 p. (In Russian)
- Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1957. 608 p. (In Russian)
- Tynjanov J. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 576 p. (In Russian)

For citation: Guskov N. A. Lyrical Subject in the Poetry of A. P. Sumarokov. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 46–54. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.306.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Гуськов Николай Александрович — кандидат филологических наук, доцент; n.guskov@spbu.ru, kakto@mail.ru

Guskov Nikolai A. — PhD, Associate Professor; n.guskov@spbu.ru, kakto@mail.ru